

Интуиция и языковая норма

© З. К. ТАРЛАНОВ,

доктор филологических наук

В статье на языковом материале пушкинского времени прослеживаются процессы становления некоторых лексических норм критико-публицистического стиля и русского литературного языка в целом. В этих процессах выявляются взаимоотношения между этноязыковой интуицией как системой особого рода и языком в качестве системы социокультурной традиции.

Ключевые слова: литературный язык, пушкинский период, норма, этноязыковая интуиция, социокультурная традиция, абстрактные субстантивы, окказионализм, узус.

The article based on Pushkin period linguistic material traces the processes of both Russian journalese lexical standards' formation and literary Russian in general. The author's approach reveals some mutual relations between ethnolinguistic intuition as a kind of specific system on the one hand and language as the system of a certain sociocultural tradition.

Key words: literary language, Pushkin period, standard, ethnolinguistic intuition, sociocultural tradition, abstract substantives, occasional forms, usage.

Чтобы отчетливее представить себе, о чем пойдет речь в статье, начнем со следующих примеров из литературно-критических статей первой трети XIX века. Как известно, это был период активного становления русского национального литературного языка, а именно его критико-публицистического стиля. Авторами статей выступали крупнейшие представители русской интеллигенции того времени. Вот несколько примеров: «[Классик] А всего больнее мне то, что вы мимоходом даете суд и о Карамзине, который не требует нашего *защипения*. . .»; «[Издатель] Не позволите ли напомнить вам, что вы мне сейчас сами сказали о другом писателе, то есть что он не требует вашего *защипения* [1]; «*Защипения* твои будут иметь такой же успех, как и нападки» [2. С. 72]; «Мы, напротив, осмеливаемся думать, что жалкое состояние нашей литературы и вообще нашей умственной деятельности гораздо более доказывается *защипением* и употреблением сих и оных, нежели нападками на сии и оные... [3. С. 148].

Нас в данном случае интересует существительное *защипение*, хотя далее рассмотрены будут и другие подобные слова.

Что собой представляло это слово в первой трети XIX века – авторское новообразование (окказионализм)? Если да, то почему оно встречается в разновременных текстах разных авторов? Или факт общего языка (узуса)? Если да, то почему его нет в современном русском литературном языке (не отмечено в нормативных словарях), хотя в Словаре В.И. Даля и упомянуто, но без комментария [4]?

Выходит, что перед нами слово, которое используется в авторитетных текстах, но в то же время не относится ни к авторским лексическим новообразованиям, ни к лексической норме сложившегося национального литературного языка. Такое утверждение, однако, было бы парадоксальным. Как же можно объяснить в таком случае приведенное и подобные ему слова?

Для их объяснения необходимо обратиться к одной из часто обсуждаемых проблем языкознания последних двух столетий – к проблеме определения языкового узуса в широком смысле слова, а применительно к литературному языку – это проблема нормы. Вопрос, требующий ответа, может быть сформулирован следующим образом: какова база и каковы критерии утверждения языковой нормы вообще и нормы литературного языка в частности?

Существующие принципиальные и наиболее распространенные решения этой проблемы восходят, как известно, к младограмматической традиции, в соответствии с которой языковые изменения сводятся к переходу окказионализмов – изначально случайных речевых фактов – в узус, в языковую норму определенного периода [5].

Развивая это положение, последующие исследователи представляли языковое развитие в виде нисходящей триады, включающей в себя *речь – норму – систему*. Смысл ее состоит в том, что результаты речевой деятельности переходят в норму, если они поддерживаются языковой системой. Норма, таким образом, возвышаясь над речевыми фактами, ориентирована на систему. Отсюда следует, что речевые феномены при всей их случайности – это порождения системы. По той же причине случайность окказионализмов относительна, поскольку предопределяется системой.

Таким образом, система – это источник развития и направлений функционирования языка. Имеется в виду система не в сосюровском смысле, не как множество синхронно противопоставленных друг другу языковых единиц [6], а нечто более объемное, что включает в себя и соответствующие историко-культурные, а также этно-социальные составляющие.

Система живого языка неотделима от массы представлений создавшего его народа, от природой заданной языковой интуиции его носи-

телей. Эта интуиция, по-видимому, и есть субстрат системы или сама система. Именно она и предопределяет возможности порождения окказионализмов.

Этноязыковая интуиция, будучи природной, естественно заданной системой, несравненно шире и объемнее сложившейся и функционирующей языковой системы, в которой значительна ограничительная роль традиции. Следовательно, окказионализм, с одной стороны, – факт узуса (нормы), с другой – это принадлежность разных систем: языка как этноязыковой интуиции и языка в качестве устоявшейся социокультурной традиции.

Если к интересующему нас слову *защипение* подойти с точки зрения этих общих положений, то окажется, что оно образовано вполне закономерно, но в рамках интуитивно заданной системы.

Его аналогами являются такие отглагольные существительные, как *наблюдение* (от *наблюдать/наблюсти*), *объяснение* (от *объяснять/объяснить*), *пренебрежение* (от *пренебрегать/пренебречь*) и т.д. Разница между исходным словом и словами-аналогами состоит в том, что исходное слово не достигло статуса общественно принятой национальной литературной нормы. Оно просуществовало некоторое время в функциональном пространстве литературного языка между *окказионализмом* и *нормой* в качестве так называемого «потенциального слова» [7] и перешло в периферийную, неактивную его зону, а затем практически вышло из употребления.

Здесь возникает новый вопрос: почему слово, созданное в соответствии с системными потенциями языка, не стало нормой и было отвергнуто социокультурной традицией?

Дело в том, что отглагольные существительные в русском языке могут образоваться по разным словообразовательным моделям с использованием многих суффиксов. Ради краткости укажем на один из них – суффикс *-т-а*. Хотя этот суффикс, будучи малопродуктивным, уступает по своим синтагматическим (сочетательным) возможностям суффиксу *-ениј-е*, с помощью которого образовано слово *защипение*, он полнее и адекватнее передает содержание производного слова, поскольку нейтрализует видовое различие производящих основ, тем самым уравнивая их семантически. Более того, суффикс *-т-а* уравнивает производные основы и в залоговом отношении: *защипать/защипить*, *защипаться/защипиться* – *защипта*.

Суффикс же *-ениј-е* в рассматриваемом случае оказывается привязанным к производящей основе только несовершенного вида глагола, что противоречит языковой системе в качестве сложившейся социокультурной традиции (см. приведенные ранее примеры-аналоги).

Нейтрализация видовых различий в производной основе при видовой оппозиции *защипать/защипить* невозможна в силу исторических причин, останавливаться на которых здесь не место.

Вот почему отглагольное существительное *защипание* было отторгнуто литературной нормой в пользу существительного *защита*, образованного с помощью суффикса *-т-а* от той же глагольной основы, но в усеченном виде. В нем полностью устранены семантические различия, восходящие к виду, что и диктовалось языковой системой в качестве действующей социокультурной традиции.

Таким образом, авторы критических статей, которые использовали в своих текстах отглагольное существительное *защипание*, опирались на систему языка как этноязыковую интуицию, представляющую широкую картину языковых возможностей во всем разнообразии средств русского отглагольного словообразования.

Опора именно на этноязыковую интуицию – это важнейший признак исторических периодов, на которые приходятся глубинные процессы этнокультурного созидания образцово-литературных норм. Применительно к языковой ситуации даже 50-х годов XIX века В.В.Виноградов говорил как о «периоде брожения и смешения разных социально-языковых стилей» [8]. Такого брожения и смешения еще больше было в 20–30-е годы XIX века. В принципе аналогично обстоит дело и с существительными *недосмотрение* и *разгание* в следующих текстах: «Как издатели, мы перед публикою извиняемся особенно в том, что, по *недосмотрению* корректора, остались в нашей книжке значительные типографские ошибки» [9]; «Следующее за сим прекрасное описание сада, в который вышла Людмила для *разгания* своей скуки, помещено в статье Топография» [10].

В этих случаях еще более ощутима приблизительность опытов, нацеленных на создание тех же абстрактных слов, в которых остро нуждался активно формировавшийся критико-публицистический стиль, см. также [11].

Если в случае с *недосмотрением* отчасти удовлетворяются требования языковой системы как этноязыковой интуиции (нейтрализация вида), но остается преобладающей не предусмотренная языковой системой в качестве социокультурной традиции собственно глагольная семантика (обозначение действия), «отягощающая» его «значение глагольности» [12], то слово *разгание* вообще не вписывается в языковую систему в качестве функционирующей этносоциальной традиции. Поэтому вместо слова *недосмотрение* в литературном языке утвердилось существительное *недосмотр*, образованное безаффиксным способом. Для передачи же смысла предложного сочетания *для разгания* единственно адекватным предстает конструкция *чтобы плюс инфинитив*. Позже закрепившееся в литературной норме слово *разгон* [13] здесь «не работает»: *для разгона скуки (?)* и *чтобы разогнать скуку*.

Остановимся еще на одном примере: «Случай сделал меня известным князю, сохранившему от времен екатерининских барскую пышность и барское меценатство к ученой братии, которое, не в *осуд* нашему просвещению, началось ныне выходить из моды» [2. С. 72].

Как уже говорилось, одна из самых острых проблем языковой ситуации в первой трети XIX века, связанных с удовлетворением умственных и общественных потребностей в новых языковых средствах, в том числе и для критико-публицистического стиля, состояла в поиске способов создания новых слов для обозначения новых, прежде всего отвлеченных понятий. В действительности она была выдвинута в центр языковых потребностей еще в XVIII в., когда в массовом порядке создавались новые слова с использованием традиционных для русского языка словообразовательных возможностей [7].

Такие слова в русском языке с древнейших времен чаще всего образуются на базе прилагательных и глаголов путем «опредмечивания», обобщения соответствующих признаков и действий. Признаки и действия в них мыслятся как существующие объективно, отдельно от их носителей и деятелей: *ясный* – *ясность*; *новый* – *новость*, *новизна*; *естественный* – *естественность*; *ходить* – *ходьба*; *читать* – *чтение*; *объяснять* (*объяснить*) – *объяснение* и т.д.

Подобные отагглованные и отглагольные существительные могут образовываться в русском языке принципиально по-разному: например, путем аффиксации и безаффиксно: *явный* – *явь*; *новый* – *новь*, *новость*, *новизна*; *высокий* – *высь*, *высота*, *вышина*; *принимать* – *прием*; *занимать* – *заем*; *откупить* – *откуп*; *ходить* – *хождение*, *ходьба*; *просить* – *просьба*, *прошение*; *выходить* – *выход* и т.д. Такие образования трудно подвести под какую-либо достаточно последовательную закономерность.

Хотя языковой системой предусмотрены оба варианта (безаффиксный и аффиксальный) на альтернативной основе, но, тем не менее, вполне можно объяснить, почему один из вариантов становится нормой, а другой застывает на уровне окказионализма или принадлежности периферийного пространства языка определенного времени.

Почему в нашем случае новообразование *осуд* не могло стать нормой литературного языка как системы социокультурной традиции и выиграть в привлекательности в конкуренции со словом *осуждение*?

Причин тому несколько.

1. Главная из причин, по которым новообразование *осуд* (как и ж. р. *осуда*) не могло утвердиться в качестве литературной нормы, состояла в том, что ему недоставало необходимой грамматической объемности. Отагглованные существительные, образованные подобным способом, повторимся, обычно возвышаются, поднимаются над категорией вида глагола, вбирая в себя семантику как совершенного, так и несовершенного видов: *Осуждение* (семантически, следовательно, и словообразовательно связано и с *осудить*, и с *осуждать*), *прием* (*принять* и *принимать*), *пробуждение* (*пробудить* и *пробуждать*), *отзыв* (*отозвать* и *отзывать*) и т.д. Субстантив же *осуд* лишен семантического диапазона слов, обра-

зующихся по данной модели, будучи связан с производящей глагольной основой только совершенного вида.

2. Вторая причина – новообразование оказывается омонимически сближенным не только с разговорным императивом *осудь (осуди)*, но и с другими его значениями (*отдать дело на осуд, обсуждение, не в осуд, т.е. не в обиду сказать*) [4].

3. Оно лишено также выразительности и грамматической гибкости (ср. формы числа и склонение).

По всем этим параметрам субстантив *осуждение* и его аналоги не только идеально соответствуют всем требованиям именных, глагольных, словообразовательных и стилистических подсистем русского языка, но и характеризуются своими высокими выразительными и эвфоническими возможностями.

Рассмотренный материал свидетельствует не только о сложном и трудном пути становления критико-публицистического стиля национального литературного языка, не только о процессах отбора, обогащения и нормирования его лексико-семантической и содержательной базы, но и о том, что литературный язык как универсальная форма национальной культуры и показатель ее развития создается усилиями, созидательным творческим трудом многих поколений лучших представителей общества.

Состояние литературного языка соответствующего исторического периода, общественное к нему отношение служат барометром, определяющим как состояние национальной культуры того же времени в целом, так и всего общества.

Литература

1. *Дмитриев М.А.* Второй разговор между Классиком и Издателем «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 158–160.
2. *Надеждин Н.И.* «Борис Годунов». Соч. А.Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833.
3. *Белинский В.Г.* Несколько слов о «Современнике» // Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955.
5. *Пауль Г.* Принципы истории языка. Пер. с немецкого под ред. А.А. Холодовича. М., 1960.
6. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. Переводы с французского языка под редакцией А.А. Холодовича. М., 1977.

7. Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. / Отв. редактор Ю.С. Сорокин. Л., 1975.
8. Виноградов В.В. Очерки истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 371.
9. Шаликов П. Стихотворения Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827.
10. Остолопов Н.Ф. Из «Словаря древней и новой поэзии» // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827.
11. Тарланов З.К. Абстрактные субстантивы в их отношении к норме (к истории русского литературного языка Пушкинского периода) // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко). Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2013.
12. Винокур Г.О. Глагол или имя? // Русская речь. Новая серия. III. Л., 1928.
13. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1983.

*Северный филиал Московской правовой академии
Минюста РФ
Петрозаводск*

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 15-04-00023/15 – «Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля».